

ПАМЯТИ ОРЛЕНЕВА

Трагедия романтика

Орленев на фоне старшего, уже уходящего поколения профессионального актерства несомненно крупная, выпуклая и замечательная фигура. И не только по своему дарованию, по месту, которое он занимал как художник. Об этом хорошо известно.

Орленев гораздо более замечателен как чрезвычайно яркий для того времени, на которое падал расцвет его дарования, общественный человек.

В юности он быстро достиг вершин сценической славы. В 1898 году два театра — в Москве Художественный и в Петербурге Театр литературно-художественного общества (он принадлежал владельцу и редактору известной репутационно-охранительной газеты «Новое время» Суворину) добились разрешения поставить бывшую с 60-х годов под цензурным запретом пьесу А. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Если и самое появление пьесы было событием, то, пожалуй, еще большим театральным событием было исполнение роли Федора молодым и доселе никому неизвестным водевилем по преимуществу актером П. Н. Орленевым.

О молодом актере сразу заговорили. Новой была самая манера исполнения роли — впоследствии модное амплуа неврастеника. Орленев покорил и поко-

мает он его, конечно, не в точности социологического, классового анализа. А именно — романтически, даже богемно-романтически. Все, что вдали от пышности и богатств центров, все, что на далекой периферии уездной деревенской России, это — «народ», это «униженные и оскорбленные», и туда надо идти, там надо «сеять разумное, доброе, вечное».

Энтузиаст (а Орленев был несомненно энтузиастом по гроб своей жизни) энтузиаст Орленев горит этой идеей. В таких же либерально-богемно-романтических тонах он даже «социалист». Он считает, что актер должен отдавать себя на служение народу не во имя денег, а во имя высших просветительных целей. Он мечтает о бесплатном народном театре. И даже осуществляет его. Собирает труппу и разъезжает по деревням, дает под открытым небом бесплатные спектакли для крестьян. Правда, играет он в этих спектаклях всего на всего крыловское «Горе-злосчастие», не понимая всей фальши этой пьесы. Не понимает, ибо по всему складу своей мысли Орленев — русский либерал со всем арсеналом его наивного субъективно-этического мировоззрения.

С первыми раскатами революционных событий весны 1917 года, Орленев вновь затормозился. Он в Москве. И вновь носит с мыслью о бесплатном народном театре. Теперь уже в Москве. Он решает категорически впредь играть только бесплатно.

— Ну, а с чего же вы, Павел Николаевич, будете жить?

— Жить? Неужели, если я найду в Белову (тогда существовал в Москве известный гастрономический магазин Белова) и скажу — я тот самый Орленев, который играет бесплатно для народа, неужели мне не дадут хлеба и куса колбасы?

— Нет, не дадут. А как же насчет помещения театра? Ведь за него тоже платить надо.

— А я обойду московских антрепренеров и буду просить дать мне бесплатно театр по воскресеньям утром. Объясню цель. Ведь какое время!

Помнится, он горько жаловался на первого же антрепренера, к которому он

обратился с таким проектом. Тот спокойно взял в руки карандаш и стал высчитывать перспективные расходы по эксплуатации театра — что-то рублей 500-600. Цифра по тем временам достаточно внушительная.

После таких холодных душ Орленев быстро остывал. И — начинал пить.

Через некоторое время он всплывал уже где-нибудь в провинции в очередном гастрольном кочевье.

Орленев — пионер в деле кинофикации театра. Кино поднимает в душе и сознании энтузиаста Орленева сказочные перспективы. Он загорается идеей

Раскольников

Юбилейный спектакль в день сорокалетия артистической деятельности Орленева

кинофицированного театра, как соединения живой пластической игры с кино-съемкой.

Ему рисуется театр, где кино прежде всего будет играть роль декоратора. Зачем актеру тратить свой темперамент среди пыльных тряпок наклеиваемых декораций, раз есть возможность создать живую, натуральную среду.

И он организует кино-театральную экспедицию в Норвегию, чтобы заснять там ряд сцен из ибсеновского «Бранда». Ему мыслится, что сцены эти дадут музыкальную фиорду, настроенные северных скал, которые уже восполнят живое исполнение актера. Ему казалось, что возможен непосредственный переход от киноэкрана к сцене, что такой прием композиции спектакля создаст новую эру в театре. И даст возможность где-нибудь в Тетюшах играть Бранда среди «натуральных» норвежских скал.

Последние скопленные гроши идут на это предприятие. И оно проваливается. Вопрос двупланного спектакля оказался вовсе не так прост, хотя идея его и не порочна. Но что в осуществлении ее могли сделать слабые силы энтузиаста Орленева, носившегося с клочками бедно заснятой в Норвегии пленки!

Тщетно обивает он пороги театральных дельцов. Его выслушивают. Угощают рюмкой вина. И доказывают тщету «необыкновенных затей».

Орленев опять потухал.

Размеренная жизнь не хотела тогда энтузиазма, не хотела порывов.

После Октябрьской революции Орленев, конечно, открыл двери лучшим театров. Но скромный и верный своей тяге на периферию, он загорается идеей народного театра где-то в Арамасе. И создает его здесь. Играет сам, руководит и вновь энтузиастически пылает.

Скромный, застенчивый, как-то подростки теряющийся перед всякой pompой, всякой пышностью, Орленев так подошел весной 1926 года и к своим последним юбилейным дням, когда ему в связи с сорокалетием сценической работы было пожаловано высокое звание народного артиста.

«В утро юбилей», — пишет Орленев, — актерская московская громада хотела чествовать меня с хорами, речами, двумя оркестрами и кино-съемкой на дому. Но я, узнав про это, заявил, что я обегу с утра куда-нибудь в деревню и вернусь оттуда лишь к спектаклю. Им пришлось отменить намеченное торжество».

Принял он звание народного артиста глубоко, большой внутренней сосредоточенной радостью и страстно хотел обновиться в репертуаре, приобщиться к новым исканиям.

Но совершиться этому, увы, не было дано.

Э. М. БЕСКИН.

Путь мечтателя

«Мама, дай мне солнце, солнце».

«Ваше превосходительство!».

«Но, Горацио, мне так грустно, так грустно!»

Разве можно когда-нибудь забыть эти фразы Орленева-Освальда («Привидения»), Орленева-Рожнова («Горе-злосчастие»), Орленева-Дмитрия («Вратья Карамазовы»).

Таких в русском театре было несколько: П. Н. Орленев, М. В. Дальский, П. В. Самойлов. Неизменные гастролеры, моряки, скитальцы, вечные странники, талантливые бродяги. Они не умели служить и прислуживаться, не скрывали своей ненависти к императорскому театру и директорам в эпизодах, бежали от паутинки алых и мелких закулисных интриг, не хотели играть всего того, что навязывали им антрепренеры с их кассовой ориентацией.

Театральная жизнь Паши Орленева (так его тогда все звали) началась в Москве. Служил он в театре Ф. А. Корша, нес амплуа простака и играл исключительно водевили. Не соглашаясь с тем, что «водевиль есть вещь, а прочее все гниль», Орленев перешел на службу к Суворину в Петербург. Увы, водевили преследовали его и тут: он играл, правда, о большим успехом, «Невпопад», «С места в карьер» и пр. Так продолжалось до 1898 года. Зима этого года решила судьбу водевилейного простака Паши Орленева. Приехавший в Петербург хлопотать о разрешении постановки «Царя Федора» в Художественном театре К. С. Станиславский в разговоре с Сувориным жаловался на отсутствие в труппе актера на роль Федора.

«У меня выбрано шесть дублеров, но я вижу только одного, когда-то игравшего в театре Корша, в пустом фарсе мальчишку-саложенника. Когда этот актер ревел, весь театр смеялся, но сквозь слезы — жалко было мальчишку».

Суворин вспомнил, что актер, играющий у Корша саложенника, служит сейчас у него. При распределении ролей в театре Литературно-художественного общества между Сувориным и режиссером произошел следующий диалог:

— А как, скажите, фамилия того ак-

тера, который так трогательно-уморительно играет мальчишку-саложенника?

— Орленев, — ответил режиссер.

— Ему и дайте Федора.

12 октября 1898 г. «Царь Федор» прошел на сцене театра Литературно-художественного общества, а 13 октября водевилейный актер Паша Орленев проснулся «герсом дня». Об его царедворстве, захлебывался, говорила вся пресса; при переполненных сборах 78 раз в один сезон прошел «Федор».

Орленев из саложенников попал в цари, — писал фельетонист В. М. Дорошевич.

А дальше ряд побед: Раскольников в «Преступлении и наказании», Освальд

ка была неудачной) П. Н. Орленев работал над Гамлетом, которого он сыграл только один раз в Одессе. Роль не удалась, и артист навсегда вычеркнул ее из своего репертуара; погиб и интересный план постановки трагедии, которому уделен ряд страниц в воспоминаниях Орленева.

Орленев в 1910 году устраивал бесплатные спектакли для крестьян, всегда ждал мечтами о народном театре, а когда все театры стали народными, засел в общежитии «Эрмитажа», погрузился в писание мемуаров и собесе- вания со своим краснохвостым по- гаем Диего.

Его звали на постоянную работу в центральные театры, а он укладывал сундуки с костюмами и ехал на роли.

Друзья советовали ему сыграть роль, а он настоячиво велся к прошлому — то к «Гор- стию», то к «Еврейку».

Психология «убежденного» ка, одиночки, гастролера, при- к триумфам, — была верна.

Впрочем одну новую роль, сделал — сыграл Бетховена в менной пьесе Жюльмора. По этому можно было судить о «застое» честве Орленева — замкнутое дованном кругу десятка ролей, естественно, не ширилось, не- лось.

В историю русского театра, в- рию русского актерства со смер- Павла Николаевича Орленева вписы- ется глава об одиноком мечтателе, б- школы, без системы, интуитивно со- адавшем десяток незабываемых обра- зов, покорившем своим талантом це- лое поколение.

ВИКТОР ЗРМАНС

1 сентября состоялось заседание об- щественного комитета по увековечению памяти народного артиста республики П. Н. Орленева.

В состав комитета вошли народные артисты республики А. А. Яблочкина, М. М. Блюменталь-Тамарина, А. В. Не- жданова, В. И. Качалов, И. М. Моск- вин, братя Адельгейм, герой труда А. М. Дорошевич, заслуженные артисты республики Пашенная и Нароков, П. И. Новицкий, Пашковский, Горский, Горо- динский, Дальцев, Шмитко и др.

Похороны П. Н. Орленева состоятся 4 сентября. Общественный комитет воз- будил ходатайство перед ВЦСПС о том, чтобы поставить гроб с телом покойного в день кремации в зале Дворца труда.

Гражданская панихида состоится 4 сентября в 4 ч. дня.

Общественный комитет постановил увековечить память Орленева создани- ем фонда имени П. Н. Орленева.

Царь Федор Иоаннович

рил какой-то сценической обаятель- ностью, мягкой бархатной лиричностью, какой-то вкрадчивостью неврастениче- ской тональности в построении фразы. Далее — Освальд в ибсеновских «При- видениях», Федор Раскольников в ин- сценировке «Преступления и наказа- ния» Достоевского и др. Орленев — знаменит, Орленев — гремит.

Казалось бы — чего более. Орленев мог последовать десяткам и сотням при- меров окружающей его актерской боте- мы, выпешей «в люди». Надеть, как где-то метко говорит Чехов, цилиндр и перестать учить роли.

Но Орленев быстро порывает с шуми- кой столичных успехов, с материаль- ным благополучием службы в крупном столичном театре, со «всеми удобства- ми» связанной с этим жизни. И уходит бродяжничать.

Его тянет — медвежья Русь с ее темными уголками. И он несет туда свое дарование. Несет сознательно. Не раз говорит об этом. По-своему, в импуль- сивном предомлении тогдашнего актера, интеллигента-романтика, Орленев — «на- родник». Его тянет к «народу». Пони-

Орленев в пьесе «Сверчок»

в «Привидениях», Рожнов в «Горе- злосчастие», Лоренцо в «Лорензанчио», Дмитрий в «Братях Карамазовых», Жюкко в «Трильби», Аркашка в «Ле- се», Павел в «Павле I», Нахман в «Ев- реях», «Бранд».

По возвращении из Америки (поезд-